

Владислав Ходасевич

Окно на Невский

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т.

Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906-1922. - М.: Согласие, 1996.

Составление и подготовка текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова.

Комментарии И. П. Андреева, Н. А. Богомолова

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

ПУШКИН

Из окна моего виден Невский проспект. Виден не поперек, а вдоль, вплоть до угла Садовой. Под самым окном течет Мойка. Невский пересекает ее, изогнувшись горбом моста, и плавным, прямым, широким разбегом уходит вдаль.

Это не тот Невский, который некогда пестрел перед Гоголем. Теперь он по большей части пустынен. И зиму, и лето подолгу сижу я перед окном: по утрам, когда, подымаясь из-за вокзала, "течет от солнца желтая струя"; вечерами, когда луна медленно движется над крышами строгановского дворца; и -- в белые ночи.

Так прошел уже почти целый год, и многое в это время сгорело в сердце, многое в нем окрепло. Я не люблю отходить от окна, и, когда надо писать, я кладу бумагу на подоконник. Так делаю и сейчас, когда вы, друзья, просите написать о Пушкине, о нашем преклонении перед ним.

Прежде всего -- спасибо за то, что вы поручаете мне первое слово о Пушкине. Постараюсь сказать его со всей прямоотой, не заботясь о том, всем ли из вас придется оно по душе.

Ну, так вот: бить себя в грудь перед кумиром Пушкина, клясться в любви к нему -- дело нетрудное, безответственное, но зато и ненужное. Лучше бы наша любовь сказалась делом, а не словами. Это главное, что я думаю о "любви к Пушкину".

-- Какое же это дело? -- спросят меня.

-- А какая любовь? -- спрошу я.

Ведь как только мы заговорим о Пушкине, так и окажется непременно, что у каждого из нас свой Пушкин, перед которым мы преклоняемся одинаково благоговейно, но не по одинаковым причинам. Наша любовь мотивируется различно и даже внутри каждого из нас переживает свою особую историю. Мой Пушкин -- не Пушкин кого-нибудь другого, и мой вчерашний -- не мой сегодняшний. Чуть только заговорим о Пушкине -- начнется "смещение языков".

Однако не хочется опускать руки. Мне думается -- кое-что общее можно и должно бы, наконец, вскрыть в наших разных любвях. Должно же оно быть потому, что *ведь* все мы чувствуем, что есть не только мой или еще чей-нибудь Пушкин, а и наш общий. Что же так дорого всем нам в Пушкине? Почему он наше знамя? (Простите за это слово: оно и затрепано, и не в моде, -- а все же свято.)

Есть вещи, которые мы любим, и есть вещи, без которых не можем обойтись. И эти необходимые вещи любим мы иногда меньше, чем просто "любимые", а иногда как будто и вовсе не любим, то есть не думаем о любви к ним. И часто -- это как раз самые необходимые. Таков воздух.

Любимые вещи у нас не одни и те же. Мое любимое -- не непременно и ваше. Рассказать, за что любишь вот эту вещь, а не ту, -- не перескажешь, часто не выразишь. Иногда же мы любим одно и то же, но только по-разному и за различные свойства. Как уже сказано -- именно такова наша любовь к Пушкину. Невозможно установить, как и за что надобно любить его.

Но и в тех случаях, когда любим мы не одно, а разное, -- кто судья: любимое лучше, выше, прекраснее? Любовь оспарима, хоть спорить о ней бесцельно, ибо спор никогда не кончится. Нельзя убедить кого-нибудь, чтобы он любил Пушкина больше, чем Лермонтова, или, может быть, Баратынского, или Тютчева, Блока, Фета, Некрасова. И не надо этого делать: не только потому, что "не